

О специфике полевых исследований в этнографии Южной Европы (на примере работ Ж. Диаша и Э. Де Мартино)

Михаил Евгеньевич Кабицкий

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова:
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4)

Аннотация. В статье рассматривается специфика организации и практика проведения полевых этнографических исследований в странах Южной Европы (Италии и Португалии) в сопоставлении со ставшими в XX в. эталоном в науке моделями долгосрочного стационарного включенного наблюдения. В качестве примера взяты признанные образцовыми исследования под руководством наиболее влиятельных этнологов второй половины XX в. в соответствующих странах Э. Де Мартино и Ж. Диаша. Сформулированы соображения о закономерности такого подхода к полю в связи с социополитическим контекстом страны и об аналогиях с отечественным опытом.

Ключевые слова: полевая этнография, этнология Италии, этнология Португалии, южноевропейская этнология.

Дата поступления статьи: 25 февраля 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Кабицкий М. Е. О специфике полевых исследований в этнографии Южной Европы (на примере работ Ж. Диаша и Э. Де Мартино) // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 128–136.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.013>

В современной этнографии и антропологии необходимой основой научных выводов и концепций признано, как известно, первичное полевое исследование. Этот принцип не подвергается сомнению, даже несмотря на те трансформации, которые переживают традиционная культура и общественные институты в условиях глобализованной модернизации. Ведутся дискуссии об изменении поля, о новых полях и новых методах полевой работы, но сама установка, что без поля нет и не

может быть этнографии, неизменно остается в силе (что в принципе вполне закономерно).

Каким должно быть правильное полевое исследование — вопрос не столь однозначный, как может показаться. Тот или иной контакт с изучаемой социокультурной реальностью присущ нашей науке с самого ее становления. Даже первые этнографы — эволюционисты и диффузионисты — вовсе не были чисто кабинетными учеными. Они путешествовали, как

Э. Тайлор (кстати, именно путешественников и миссионеров во многих странах причисляют к провозвестникам или даже основателям этнографической науки), собирали коллекции, как А. Бастиан, рассылали и анализировали анкеты и опросники, как Л. Г. Морган, картографировали явления культуры, как Л. Фробениус.

Однако требования, ставшие стандартными в современной антропологии и определяющие профессиональную состоятельность специалиста, установились уже в XX в. благодаря британским функционалистам Б. Малиновскому и А. А. Рэдклифф-Брауну, а в США — Ф. Боасу. Они предполагают длительное (не менее так называемого этнографического года) пребывание в поле, непосредственный контакт с носителями изучаемой культуры, в идеале — с участием в жизни сообщества (включенное наблюдение). Этот стандарт во многом определил характер современной этноантропологии: ученый приобретает, еще на стадии своего формирования как исследователя, достаточно глубокое знание конкретной иной социокультурной среды и в дальнейшем является более точным и основательным в своих выводах (хотя и зачастую менее склонным к смелым и широким обобщениям). Причем нередко и на более общие проблемы человеческих обществ он смотрит сквозь призму «своей» (изучавшейся им в поле) экзотической культуры¹.

В то же время данный стандарт все же в большей мере свойствен антропологии англосаксонских стран и, в силу их культурного влияния во второй половине XX — начале XXI в., в той или иной степени других стран. Однако характерно, что даже во Франции из двух наиболее авторитетных и цитируемых антропологов один (К. Леви-Стросс) имел очень ограниченный полевой опыт, а другой (М. Мосс) вообще был чисто кабинетным ученым.

Специфика общественной и культурной ситуации в соответствующих странах не могла не влиять и на развитие на-

уки. В наиболее передовых колониальных державах, где развивалась, пользуясь выражением Дж. Стокинга, «антропология строительства империи» [Stocking 1982, 172], объектом изучения считались экзотические заморские народы, имеющие мало общего с народами метрополий (а в США — проживающие на территории страны, но также социально и культурно отделенные от большинства — белых англо-американцев). В других же, периферийных, странах, в том числе и европейских, развивавших «антропологию строительства нации», большое внимание уделялось собственному населению, его этнокультурным и социальным группам, в частности крестьянству. К числу таких стран относятся и страны Южной Европы: Италия, Испания и Португалия [Kabitskiy 2013, 66; Кабицкий 2014, 34].

Именно в описанном контексте в данной статье предполагается рассмотреть на конкретных примерах особенности полевых этнографических исследований в странах Южной Европы, в частности, вопрос, как специфика развития страны и науки влияла и влияет на стандарты работы в поле. Думается, такое рассмотрение будет небезынтересно и для российских этнографов.

Не стремясь интриговать читателя, сразу скажем, что наиболее значительные, признанные образцовыми и оказавшие заметное влияние на дальнейшее научное развитие работы как минимум в двух из этих стран были основаны не на традиционном поле в стиле Малиновского. Это исследования Жоржи Диаша по маконде Мозамбика и Эрнесто Де Мартино на Юге Италии (которые, кстати, проводились примерно в одно и то же время).

Положение в этнографической науке соответствующих стран в середине XX в., когда начинаются исследования названных ученых, было сложным. Деятельность «отцов-основателей» и приданный ими развитию науки импульс в значительной мере сошли на нет. Развивалось изучение

¹ Так, например, в работах М. Дуглас нередко ссылки на обычаи леле, у М. Годелье — на баруй, у К. Гирца — на яванцев и балийцев, у М. Салинза — на полинезийцев и фиджийцев и др.

колоний, преимущественно описательное и физико-антропологическое, зачастую проводимое миссионерами и учеными, близкими к клерикальным кругам и основывавшимися на принципах венской культурно-исторической школы. Культура населения метрополии исследовалась в фольклорно-краеведческом духе с упором на наиболее архаические и экзотические обычаи. Эти культурные явления также использовались фашистскими режимами в качестве элементов идеологической политики. Ученые, высказывавшие оригинальные теоретические идеи, были очень немногочисленны, академическое сообщество оторвано от новых течений мировой научной мысли [Красновская 1995, 141; Кабицкий 2003, 58–60].

Серьезные перемены в этом отношении происходят лишь с конца 1940-х — начала 1950-х гг. и связаны, в частности, именно с деятельностью школ Ж. Диаша и Э. Де Мартино. Рассмотрим подробнее каждый из этих случаев.

Группа Жоржи Диаша работала в 1957–1961 гг. в Мозамбике, являвшемся тогда португальской колонией. Однако и эта группа, и сам Диаш как полевой этнограф сформировались в ходе исследований на европейских территориях Португалии. Следует отметить, что в Португалии (и в целом в Южной Европе) не было столь жесткого разделения между «домашней» и заморской этнографией, как в ряде других стран, и сам Ж. Диаш всегда выступал за единство науки [Кабицкий 1999, 15; Kabitskiy 2013, 67].

С 1947 г., когда Ж. Диаш был приглашен организовать этнографические исследования в Центре этнологического изучения полуострова (Centro de Estudos de Etnologia Peninsular, CEEP) в качестве единственного на тот момент в Португалии обладателя ученой степени в области этнологии, его небольшая команда развернула широкомасштабную деятельность по сбору и обработке этнографических данных, при этом учитывая, что многие изучаемые феномены находились уже на грани исчезновения (неотложная этнография). Они объездили всю страну, собирая поле-

вые материалы, которые затем обрабатывались и издавались в виде статей и монографий. Большинство из них написано в соавторстве с Ж. Диашем сотрудниками центра Э. Вейгой ди Оливейрой, М. Диаш, Ф. Гальяну, Б. Э. Перейрой. К 1967 г. увидело свет 260 работ сотрудников центра, из них 17 книг [Oliveira 1968, 25].

В 1950-е гг. правительство Португалии приступило к созданию так называемых научных миссий (исследовательских проектов по изучению колоний, в которых ученые должны были длительное время работать «в поле», подобно христианским миссионерам). Были предусмотрены миссии географические, зоологические, ботанические и этнологические. В частности, в 1956 г. Управление заморских исследований (Junta de Investigações do Ultramar, JIU) организовало миссию по изучению этнических меньшинств заморских территорий Португалии. По предложению директора управления и инициатора создания миссий (в дальнейшем — министра заморских территорий) Адриану Морейры ее руководителем был назначен Жоржи Диаш.

В 1957 г. Диаш и часть его команды отправились в Мозамбик. Им предстояло изучать народ маконде. Маконде проживают на севере Мозамбика и в Танзании. Общая их численность более миллиона, но в Мозамбике их около 200 тысяч. Они особенно известны своим искусством скульптуры из черного дерева. Маконде довольно воинственны; их территории колонизаторам удалось подчинить лишь к 20-м годам XX в. А в 1961 г. именно здесь начинается освободительная война. С этого года деятельность миссии была свернута [Silva 1999].

В состав группы, кроме Ж. Диаша, входили его жена Марго Диаш — этномузыколог, занимавшаяся, в частности, аудиозаписью и киносъемкой, изучением материальной культуры и обрядов, фотограф Фернанду Гальяну и филолог и фольклорист Мануэл Виегаш Геррейру.

В то же время другие их коллеги продолжали исследования в Португалии (под руководством Э. Вейги ди Оливейры). Ж. Диаш находился в контакте

с ними по переписке и периодически возвращался в метрополию [Leal 2008, 513–520]. Сама миссия в Мозамбике не была непрерывной, работа происходила сезонно, по несколько месяцев в году на протяжении пяти лет. В этом случае мы имеем здесь дело с «длинным полем», но при этом не классическим постоянным пребыванием на месте.

В ходе работы был собран обширный материал, множество полевых дневников, тысячи карточек, сотни фотографий и десятки фильмов, которые первоначально рассматривались лишь как форма фиксации материала, но недавно, будучи оцифрованы и обработаны, стали достоянием широкой публики [Canelas 2016].

Итогом этой многолетней полевой работы стал научный труд, признанный лучшим из того, что было сделано в португальской колониальной этнографии, — «Маконде Мозамбика» [Dias et al. 1964–1970], монография в четырех томах, из которых первый рассматривает этническую историю и хозяйство, второй — материальную культуру, третий — социальную жизнь и обряды, четвертый, написанный М. Виегашем Геррейру, посвящен фольклору.

Помимо опубликованных научных результатов, Ж. Диаш предоставлял властям конфиденциальные отчеты о положении дел в регионе. А. Мореира ставил перед миссиями и политико-стратегическую задачу — так называемую «научную оккупацию» колоний, укрепление власти Португалии в Африке через лучшее знание ее заморских территорий [Duarte 1999, 93–94]. Факт составления таких отчетов, тональность которых заметно отличалась от опубликованной монографии, а также неизбежное взаимодействие с колониальными властями, вызвали в дальнейшем, после падения диктатуры, обвинения Ж. Диаша и его коллег в сотрудничестве с салазаровским режимом [Silva 1999].

Однако это вопрос очень неоднозначный, и более умеренные авторы, по-видимому, правы, утверждая, что эти факты надо рассматривать в контексте своего времени. Во-первых, без тако-

го взаимодействия с властью подобная работа была неосуществима и само исследование просто бы не состоялось. Во-вторых, сообщая в отчетах интересные сведения, Ж. Диаш, хотя и не ставил под сомнение колониальное владычество Португалии в Африке, весьма критически оценивал конкретную политику португальских властей, поведение чиновников колониальной администрации и белых поселенцев, предлагал изменить цели и подходы в этой области и, по его собственным словам, утратил многие иллюзии [Canelas 2016].

Исследователи команды Ж. Диаша установили теплые и прочные отношения сотрудничества с местными жителями, своими информантами, некоторые из них продолжались на протяжении десятилетий после окончания миссии. Например, один из их проводников и переводчиков, Рафаэл, спустя еще много лет поддерживал переписку с Марго Диаш, присылая ей новые сведения о событиях в землях маконде, она же, в свою очередь, интересовалась обстоятельствами жизни многих знакомых. В то же время известно, что он использовал свои передвижения и контакты с группой ученых для содействия подпольной анти-колониальной борьбе [Silva 1999].

С работой группы Ж. Диаша связано одно любопытное явление, иногда сопровождающее работу этнографов. По словам члена группы Б. Э. Перейры [ПМА 1999], последующие исследователи маконде порой слышали от своих информантов рассказы, содержание и структура которых казались им знакомыми. При проверке оказывалось, что они вели повествование не от себя, а пересказывали фрагменты из монографии Ж. Диаша! Маконде были в курсе исследования и приняли его результаты как часть собственного дискурса о своей культуре.

Когда весь объемный киноматериал, заснятый М. Диаш, был оцифрован, копии его были переданы президентом Португалии в дар правительству Мозамбика. Директор Национального музея этнологии Ж. Пайш ди Бриту проехал по маршрутам экспедиции Диаша, показы-

вая фильмы, снятые в 1960-х гг. в селениях маконде. Он с удивлением и радостью обнаружил, что многие из зрителей узнавали себя или своих родных и близких на кадрах фильмов, показ которых неизменно вызывал яркий эмоциональный отклик публики [Canelas 2016].

Таким образом, в случае с работой группы Жоржи Диаша в Мозамбике мы имеем дело с многолетним сезонным полевым исследованием, охватившим значительный район проживания этнической группы маконде, в ходе которого с учетом разделения труда между членами группы был собран обширный и разносторонний материал, легший в основу монографии, признанной образцовой в португальской колониальной антропологии.

В те же годы, когда Ж. Диаш и его коллеги работали в Мозамбике, в южных регионах Апеннинского полуострова развивались исследования антрополога Эрнесто Де Мартино, принесшие ему репутацию наиболее оригинального и влиятельного представителя того, что в Италии называют «демо-этно-антропологическими науками», во второй половине XX в. [Кабичкий 2015, 181]

Работы Э. Де Мартино большей частью связаны с изучением психологических аспектов традиционной народной культуры Юга Италии. Он заявил свой подход в теоретической работе «Магический мир», вышедшей в 1948 г. [De Martino 1948], которую долго готовил. В то же время в конце 1940-х — начале 1950-х гг. он проводил ряд полевых исследований, в частности, в Трикарико, Альбано и многих других селениях Лукании. Причем уже тогда для него было свойственно вести работу в группе, с участием своей ассистентки (в дальнейшем супруги) Виттории Де Пальмы и писателя, политика и социолога Рокко Скоттелларо, а также фотографа и журналиста.

С 1952 г. эти экспедиции выходят на новый уровень организации. Им предшествовала тщательная подготовка, с разработкой концепции и программы

исследования, фиксация материала осуществлялась не только в дневниках и фотографиях, но и с использованием аудиозаписи и киносъемки, так что с 1952 г. в состав экспедиции входил кинематографист. Аудиовизуальный компонент приобретает особое значение, тем более что направление научных исследований Де Мартино смыкается с творческими устремлениями представителей итальянского неореализма, особенно Ч. Дзаваттини (последний выступил в печати с обращением, призывая интеллектуалов — людей искусства и науки — отказаться от кабинетного творчества, выйти «на свежий воздух», наблюдая реальную жизнь народа. Как своеобразный ответ на этот призыв и трактовалась первоначально южная этнографическая экспедиция)².

Когда в 1957 г. в фокус исследования попал феномен народных целителей, в нем приняли участие социолог, врач и психоаналитик. Стремясь дать всестороннее объяснение изучаемых явлений, Де Мартино учитывал, что они связаны как с социокультурным контекстом, так и с вопросом индивидуального физического и психического здоровья.

Первоначальной основной целью проекта были заявлены сбор и изучение народного творчества (прежде всего народных песен), фольклора как формы культурного протеста и борьбы в соответствии со ставшими популярными в это время идеями Антонио Грамши. Однако довольно скоро внимание Де Мартино сместилось в сторону народных магико-религиозных представлений и их проявлений. В частности, им подробно рассматривались весьма распространенные на Юге верования в сглаз, порчу и т. п. Результатом этих исследований (помимо ряда статей) стала монография «Юг и магия» [De Martino 1959], признанная важной вехой в развитии послевоенной итальянской этнологии.

В том же году, когда вышла эта работа, группа исследователей под руководством

² Интересно, что на начальном этапе в качестве фотографа в команде Де Мартино работал сын Ч. Дзаваттини — Артуро Дзаваттини.

Э. Де Мартино уже ведет полевую работу в Апулии, изучая такое своеобразное явление, как *тарантизм*. Это представление, по-видимому, широко распространенное в прошлом в Средиземноморье, что укуса паука (тарантула) может приводить к тяжелому болезненному состоянию, характеризующемуся апатией, физическими болями, расстройством поведения депрессивного характера, чередующимися с истероидными вспышками и с риском летального исхода, исцеление же возможно лишь в виде особой формы терапии, при которой вокруг больного устраиваются длительные (иногда более суток) танцы под монотонную ритмичную музыку. Из этого терапевтического ритуала возникают, видимо, и традиционные формы южноитальянского танца: тарантелла и пиццика. Значительная роль в процессе исцеления приписывается определенным святым — св. Павлу и св. Виту. К середине XX в. ареал этого феномена сильно сократился. Одной из немногих зон, в которых тарантизм наблюдался в живом виде, были некоторые районы Апулии, где и проводилось исследование.

Понимая сложный характер изучаемого явления, Э. Де Мартино привлек в свою исследовательскую группу клинического психолога (Летиция Комба) и психиатра (Джованни Йервис). Также в ней продолжали работу в качестве этномузыколога и кинооператора Диего Карпителла, фотограф Франко Пинна. Социально-экономическими аспектами феномена занимались ученица Де Мартино Амалия Синьорелли и Виттория Де Пальма.

Следует отметить, что в экспедициях Э. Де Мартино существовала именно организованная командная работа по общей программе и под единым руководством. Это отличало их, например, от исследований группы Виниджи Гроттанелли, примерно в то же время работавшей в Африке

(Итальянская этнографическая миссия в Гане³), где участники фактически занимались параллельной разработкой собственных тем. Сотрудники Де Мартино регулярно собирались для совместного обсуждения хода исследования; также было принято проведение совместных интервью и самоконтроль [Angelini 2008, 82–83].

Итогом этих исследований стала монография «Земля угрызения»⁴ [De Martino 1961], в которой автор сделал вполне определенные выводы. Он отметил, что тарантизм имеет весьма показательное распределение. Помимо того, что он встречается среди бедного и малообразованного крестьянского населения отсталых провинций Юга, он значительно чаще проявляется у незамужних женщин и в летние месяцы — период наиболее интенсивных сельскохозяйственных работ. Де Мартино пришел к заключению, что тарантизм, при своем внешне «медицинском» характере, является психологической реакцией на социальный контекст — ситуацию так называемого тройного угнетения: крестьянки Апулии испытывали его как жительницы депрессивного Юга, как представительницы низших социальных слоев и как женщины в традиционно патриархальном обществе.

Говоря о специфике полевых исследований Э. Де Мартино, следует признать, что это отнюдь не классическое «долгое» поле. Сама работа конкретных экспедиций была относительно короткой (около месяца), но необходимо вместе с тем принимать во внимание их повторяемость, весь опыт работы на Юге (включая множество предварительных и разведывательных выездов), а также факт принадлежности самого исследователя к южному региону по происхождению и культурному опыту (он был уроженцем Неаполя).

Итак, опыт наиболее авторитетных ученых и наиболее значительных иссле-

³ Эта миссия (кстати, существующая до сих пор) — успешный пример заморских исследований итальянских антропологов, она имеет очевидные общие черты с португальскими научными миссиями, прежде всего с работой группы Ж. Диаша в Мозамбике.

⁴ Название монографии трудно переводимо с итальянского языка. Слово *rimorso* означает как «угрызение» (обычно в сочетании «угрызения совести»), так и «(повторный) укус».

дований в португальской и итальянской этноантропологии второй половины XX в. подтверждает значение поля, причем поля не совсем традиционного с точки зрения принятой, в особенности в англосаксонской антропологии, практики.

При наличии определенных различий мы видим здесь полевые исследования, которые не являются непрерывными и стационарными. Это сезонные экспедиции, однако повторяющиеся на протяжении нескольких лет. Их также характеризует перемещение и охват значительного числа населенных пунктов. Наконец, им свойствен комплексный и междисциплинарный характер, командная работа с соблюдением единства программы и обобщением результатов в исчерпывающих монографиях.

Жоржи Диаш и Эрнесто Де Мартино стали основателями научных школ, которые действовали и в дальнейшем и к которым принадлежат видные представители этноантропологии соответствующих

стран, в частности, в Португалии Б. Эниш Перейра, Ж. Пириш Кутилейру, К. Рамуш ди Оливейра, в Италии — К. Галлини, А. М. Чирезе, Дж. Анджони, П. Дж. Солинас, П. Клемента и многие другие.

Подобный подход, по-видимому, оказывается более естественным и адекватным для стран, где этнографически изучаемая реальность не рассматривается как нечто экзотическое и совершенно оторванное от социокультурной среды самих исследователей. Неслучайно много общих черт можно заметить и с практикой этнографии в нашей стране, где имела в некоторых отношениях схожая ситуация: это и многолетние сезонные экспедиции, и комплексные междисциплинарные исследования (такие как, например, Хорезмская экспедиция под руководством С. П. Толстова⁵).

Этноантропологическое поле показывает свою адаптивность к реалиям страны и задачам науки.

Источники и материалы

ПМА 1999 — Полевые материалы автора. Интервью и беседы с этнологом Бенжамином Энишем Перейрой. Порту, 1999.

Canelas 2016 — *Canelas L. Margot Dias: Viver até ao fim entre os macondes* // Público. 2016. 06.08.

De Martino 1948 — *De Martino E. Il mondo magico: prolegomeni a una storia del magismo*. Torino, 1948.

De Martino 1949 — *De Martino E. Intorno ad una storia del mondo popolare subalterno* // Societa. 1949. № 3.

De Martino 1959 — *De Martino E. Sud e magia*. Milano, 1959.

De Martino 1961 — *De Martino E. La terra del rimorso. Contributo a una storia religiosa del Sud*. Milano, 1961.

Dias et al. 1964–70 — *Dias A. J. Os Macondes de Moçambique. Vol. I: Aspectos históricos e económicos*. Lisboa, 1964; *Dias A. J. e Dias M. Os Macondes de Moçambique. Vol. II: Cultura material*. Lisboa, 1964; *Dias A. J. e Dias M. Os Macondes de Moçambique. Vol. III: Vida social e*

ritual. Lisboa, 1970; *Guerreiro M. V. Os Macondes de Moçambique. Vol. IV: Sabedoria, Língua, Literatura e Jogos*. Lisboa, 1966.

Silva 1999 — *Cardeira da Silva M. Macondes reeditados* // Público. 1999. 28.08.

Исследования

Кабицкий 1999 — *Кабицкий М. Е.* Антониу Жоржи Диаш (1907–1973) — выдающийся представитель португальской этнологии // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 5. С. 11–20.

Кабицкий 2003 — *Кабицкий М. Е.* История португальской этнологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Кабицкий 2010 — *Кабицкий М. Е.* «История зарубежной этнографии» С. А. Токарева и изучение этнологии и антропологии стран Южной Европы в России // Кафедра этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 214–220.

Кабицкий 2014 — *Кабицкий М. Е.* Этноантропологическая наука в истории стран Южной Европы. К постановке проблемы // Основ-

⁵ Интересно, что Э. Де Мартино изучал опыт советских этнографов и этнографических экспедиций и ссылался на работы С. П. Толстова, В. И. Чичерова, Е. И. Гиппиуса и В. Я. Проппа [De Martino 1949]. Ж. Диаш, по-видимому, также был знаком с советской этнографической наукой, по крайней мере, в результате пребывания на Международном конгрессе этнографов и антропологов 1964 г. в Москве [Кабицкий 2010, 217–218].

ные проблемы общественных наук: Сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ИЦПРОН, 2014. С. 33–36.

Кабицкий 2015 — Кабицкий М. Е. «Поиски итальянского народа» и демоэтноантропология // Итальянская идентичность: единство в многообразии. Т. 6. М.: РГГУ, 2015. С. 174–186. (Сер. «Проблемы итальянистики»).

Красновская 1995 — Красновская Н. А. К истории этнографической науки в Италии // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 133–149.

Angelini 2008 — Angelini P. Ernesto De Martino. Roma: Carocci, 2008.

Duarte 1999 — Duarte A. Antropologia portuguesa. Opção etno-folclorista e o Estado

Novo // Trabalhos de antropologia e etnologia. 1999. № 3–4. P. 81–96.

Kabitskiy 2013 — Kabitskiy M. South European Nations Seeking their Identity on the Turn of Epochs and the Ethno-anthropological Science // Narratives of Ethnic Identity, Migration and Politics. A Multidisciplinary Perspective. Kraków, 2013. P. 63–71.

Oliveira 1968 — Veiga de Oliveira E. Vinte anos de investigação etnológica do Centro de Estudos de Etnologia Peninsular, Porto-Lisboa 1947–1967. Lisboa: Instituto de Alta Cultura, 1968.

Stocking 1982 — Stocking George W. Jr. Afterword: A View from the Center // Ethnos. 1982. № 47 (1–2). P. 172–186.

© М. Е. Кабицкий, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабицкий М. Е. <https://orcid.org/0000-0003-2878-1067>

Кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: +7 (499) 973-40-94; доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; тел.: +7 (495) 939-55-77; e-mail: kabitski@yahoo.es

About the Specifics of Field Research in the Ethnography of Southern Europe (On the Example of J. Dias and E. De Martino's Works)

Mikhail Ye. Kabitskiy

(Russian State University for the Humanities:
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation;
M. V. Lomonosov Moscow State University:
24–4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. The article examines the organization and practice of conducting field ethnographic research in Southern Europe (Italy and Portugal) in comparison with the models of long-term stationary participant observation that became the standard in scholarship in the twentieth century. As an example, the studies — recognized as exemplary by the most influential ethnologists of the second half of the twentieth century in the respective countries (E. De Martino and J. Dias) — are examined. Their approach to field research is considered with respect to the socio-political context of their respective countries and is compared to similar developments in Russia.

Key words: Italian ethnography, Portuguese ethnography, South European ethnography.

Received: February 25, 2025.

Date of publications: September 25, 2025.

For citation: Kabitskiy M. Ye. About the Specifics of Field Research in the Ethnography of Southern Europe (On the Example of J. Dias and E. De Martino's Works). *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 128–136. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.013>

References

Angelini P. (2008) Ernesto De Martino. Roma: Carocci. In Italian.

Duarte A. (1999) Antropologia portuguesa. Opção etno-folclorista e o Estado Novo [Portuguese Anthropology: The Ethno-Folkloric Option and the Estado Novo]. *Trabalhos de antropologia e etnologia*. 1999. No. 3–4. Pp. 81–96. In Portuguese.

Kabitskii M. Ye. (1999) Antoniu Zhorzhi Diash (1907–1973) — vydayushchiysya predstavitel' portugal'skoi etnologii [Antonio Jorge Dias (1907–1973), An Outstanding Representative of Portuguese Ethnology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser. 8. Istoriya [History]. 1999. No. 5. Pp. 11–20. In Russian.

Kabitskii M. Ye. (2003) Istoriya portugal'skoi etnologii [History of Portuguese Ethnology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. In Russian.

Kabitskii M. Ye. (2010) «Istoriya zarubezhnoi etnografii» S. A. Tokareva i izuchenie etnologii i antropologii stran Yuzhnoi Evropy v Rossii [S. A. Tokarev's "History of Foreign Ethnography" and the Study of Ethnology and Anthropology of Southern European Countries in Russia]. In: Kafedre etnologii Istoricheskogo fakul'teta MGU — 70 let [The Department of Ethnology of the Faculty of History of Moscow State University is 70 years old]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. Pp. 214–220. In Russian.

Kabitskii M. Ye. (2014) Etnoantropologicheskaya nauka v istorii stran Yuzhnoi Evropy. K postanovke problemy [Ethnoanthropological Science in the History of Southern European Countries. Toward a Problem Statement]. In:

Osnovnye problemy obshchestvennykh nauk. Sb. nauch. trudov po itogam mezhdunar. nauch.-praktich. konf. [Main Problems of Social Sciences. A Collection of Scholarly Papers on the Results of an International Scholarly and Practical Conference]. Volgograd: ITSRON. Pp. 33–36. In Russian.

Kabitskii M. Ye. (2015) «Poiski ital'yanskogo naroda» i demoetnoantropologiya ["The Search for the Italian People" and Demoethnoanthropology]. In: Ital'yanskaya identichnost': edinstvo v mnogo-obrazii [Italian Identity: Unity in Diversity]. Ser. "Problems of Italian Studies". Vol. 6. Moscow: RGGU. Pp. 174–186. In Russian.

Kabitskiy M. (2013) South European Nations Seeking their Identity on the Turn of Epochs and the Ethno-anthropological Science. In: Narratives of Ethnic Identity, Migration and Politics. A Multidisciplinary Perspective. Krakow. Pp. 63–71. In English.

Krasnovskaya N. A. (1995) K istorii etnograficheskoi nauki v Italii [Toward a History of Ethnographic Scholarship in Italy]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1995. No. 3. Pp. 133–149. In Russian.

Stocking George W. Jr. (1982) Afterword: A View from the Center. *Ethnos*. 1982. No. 47 (1–2). Pp. 172–186. In English.

Veiga de Oliveira E. (1968) Vinte anos de investigação etnológica do Centro de Estudos de Etnologia Peninsular, Porto–Lisboa 1947–1967 [Twenty Years of Ethnological Research at the Centre of Peninsular Ethnological Studies]. Lisboa: Instituto de Alta Cultura. In Portuguese.

© M. E. Kabitskiy, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail E. Kabitskiy <https://orcid.org/0000-0003-2878-1067>

E-mail: kabitski@yahoo.es

Tel.: +7 (499) 973-40-94

6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

PhD in History, Docent, Teaching and Research Centre of Social Anthropology, Russian State University of Humanities

Tel.: +7 (495) 939-55-77

24-4, Lomonosovskii av., Moscow, 119991, Russian Federation

PhD in History, Docent, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)